

.....
ЛОЖЬ
как проблема
формальной
ОНТОЛОГИИ
.....

А л е т е й я

УДК 111
ББК 87.21
Л 719

Ответственный редактор:

доктор философских наук, профессор *А. Н. Павленко*

Авторы:

А. Н. Павленко, А. М. Анисов, В. Л. Васюков, С. А. Павлов

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Ю. В. Ивлев*
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

доктор философских наук, профессор *И. А. Герасимова*
(ИФ РАН)

Л719 Ложь как проблема формальной онтологии / *А. Н. Павленко, А. М. Анисов, В. Л. Васюков, С. А. Павлов.* – СПб.: Алетейя, 2019. – 238 с.

ISBN 978-5-907189-33-1

В коллективной монографии, с точки зрения онтологии и логики, рассматривается философское понятие «ложь». Следуя традиции свободной философской дискуссии, авторский коллектив демонстрирует не совпадающие точки зрения по обсуждаемой теме.

В ряде разделов показано, что, с точки зрения современной онтологии и вопреки мнению Г. Фреге, ложь не обладает статусом самостоятельно существующего объекта. В работе убедительно продемонстрировано, что наделение лжи этим статусом приводит к «псематическому парадоксу» (*А. Н. Павленко*). Кроме того, показано, что объединение семантик Дж. Буля и Г. Фреге также уверенно говорит в пользу того, что нет необходимости принимать денотат лжи как существующий (*С. А. Павлов*).

В других разделах, напротив, указывается на то, что онтологически укоренена как раз ложь, а истина не получает адекватного универсального истолкования на уровне денотационных значений (*А. М. Анисов*). Показано, что система формальной онтологии «ложности», надстроенная над новой логикой, с использованием онтологии Ст. Лесьневского и интуиционистской логики, трансформируется в новую систему, описывающую совершенно иной мир «ложности» (*В. Л. Васюков*).

Монография носит полемический характер и может представлять интерес для специалистов в области онтологии, логики, философии науки и эпистемологии.

УДК 111

ББК 87.21

ISBN 978-5-907189-33-1

9

7 8 5 9 0 7 1 8 9 3 3 1

© *А. Н. Павленко, А. М. Анисов, В. Л. Васюков, С. А. Павлов*, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Оглавление

ЛОЖЬ КАК ПРОБЛЕМА ФОРМАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ	
Краткое предисловие	7
А.Н. ПАВЛЕНКО	
Логико–онтологические предпосылки появления «лжи»	12
С.А. ПАВЛОВ	
Логическая семантика для анализа понятия «ложь» и его формального представления	73
А.М. АНИСОВ	
Онтологический статус доказательств сведением к абсурду	123
В.Л. ВАСЮКОВ	
Негативная формальная онтология	188
THE FALSE AS A PROBLEM OF FORMAL ONTOLOGY	
Summary	235

ЛОЖЬ КАК ПРОБЛЕМА ФОРМАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Краткое предисловие

Тема логико-онтологического анализа понятия “ложь” в европейской культуре является очень древней, а её первое определение восходит ещё к Аристотелю, данному в “Метафизике” (1011b25). Средневековые схоласты исследовали эти понятия не менее усердно, чем их античные предшественники по философскому цеху. Достаточно вспомнить трактат Ансельма Кентерберийского “De veritate” (“Об истине”), в котором утверждалось, что всякое высказывание может быть истинно двояко: онтологически - как именно “высказывание”, то есть как форма речи (здесь оно всегда *истинно, ибо “находится в Боге”*), и как то, что судит о чем-то — то есть высказывание, наполненное конкретным содержанием, которое может соответствовать реальности (быть истинным) или нет (быть ложным). Эпоха Нового Времени не привнесла чего-то принципиально нового в понимание истины и лжи, но зато акцентировала внимание на двух положениях в объяснении их природы — “рационализме” и “антропоцентризме”, причём последний был тесно связан с самой идеологией гуманизма. Соединив обе черты эпохи, можно было бы предложить парафраз декартовской энтимемы “*cogito, ergo, sum*” — “*истинно мыслю, следовательно, истинно существую*” и наоборот, “*ложно мыслю, следовательно, ложно существую*”.

Девятнадцатый век окончательно порывает с надеждами и заблуждениями метафизического объяснения природы истины и лжи, всё более углубляясь в позитивный и аналитический способ их описания и понимания. Г. Фреге недвусмысленно формулирует задачу, стоящую перед исследователем в исследовании любых понятий: 1) элиминировать из познания понятия с нулевым денотатом и 2) элиминировать из научного языка многозначные понятия. Стремление к точности выражения мысли в языке не могло не коснуться и точности объяснения содержания самих понятий “истины” и “лжи”. А. Тарский допускает, что “истина” может быть редуцирована к эквиваленции левой и правой части высказывания “Предложение ‘снег

бел' истинно, тогда и только тогда, когда снег бел". Так в аналитической философии возникает направление, объявившее о "дефляции истины". Среди наиболее ярких последователей этого направления можно назвать У. Куайна, А. Айера, П. Горвица и некоторых других.

Следует отметить, что усилия сторонников дефляционного подхода были направлены именно на устранение "истины", *но никогда — на устранение "лжи"*. Именно эта — бросающаяся в глаза — исследовательская асимметрия в исследовании онтологической природы "лжи" и побудила сотрудников группы "Онтологии" Института философии РАН на одном из заседаний в 2017 году задуматься о возможности исследования "лжи" и объяснения её природы с помощью методов "формальной онтологии". Идея исследовать онтологическую природу лжи была предложена профессором А.Н. Павленко, а окончательное название будущей книги — профессором А.М. Анисовым. Активнейшее участие в обсуждении темы и названия работы принимал также сотрудник группы — к.ф.н. Павлов С.А.. В результате намеченного плана к весне 2018 года исследование было, в целом, завершено. Поэтому, теперь мы кратко коснемся его содержания.

В первой главе "**Логико-онтологические предпосылки появления «лжи»**" (Павленко А.Н.) критически рассмотрены основные аргументы дефляционной концепции истины: подходы А.Тарского, У.В. Куайна, Х. Патнема и некоторые другие. Приведены два репрезентативных примера элиминации истины как выделенной оценки суждений: концепция "языковых игр" Л.Витгенштейна и "конструктивный эмпиризм" Б. ван Фраассена. Выявлено, что утверждение о том, что "«истины» как выделенной оценки суждений не существует" является самопредикативным и приводит к нелепости. Автор показывает, что элиминация (избыточность) "истины" из познания, с необходимостью, затребует и элиминацию "лжи", процесс которой, как показывает автор, сталкивается с непреодолимой логической трудностью: при ответе на вопрос "может ли «ложное предположение», понимаемое как предложение «не истинное», то есть $\neg p$, обладать тем признаком, которое оно обозначает как объект «ложь», то есть «быть не истинным?»" возникает парадокс, который назван

“псематическим” от греческого слова *ψεματα* (ложь). По сути, это означает, что *к парадоксу приводит именно онтологизация лжи*. Автором обнаружено также, что “истина” обладает автологической природой, а “ложь” — гетерологической.

В теоретической области науки свидетельством лжи является противоречивость предпосылок теории, из которых можно вывести любое следствие. В эмпирической области науки свидетельством лжи является противоречие предсказанных данных наблюдаемой реальности. Автором показывается также связь понятий “истина” и “ложь” с таким новым теоретическим конструктом как “онтологическая пропись”.

Во второй главе **“Логическая семантика для анализа понятия «ложь» и его формального представления”** (Павлов С.А) автор отмечает, что в логической семантике понятия истинности и ложности рассматриваются в следующих смыслах: как предикат, как оператор, как денотат, как значение функции или аргумент функции (truth value), как абстрактный предмет или объект. В классической логике высказываний и семантике Фреге понятия истины и лжи дуальны друг другу. Однако в результате решения нетривиальной задачи объединения семантик Буля и Фреге автор показывает, что нет необходимости *принимать денотат ложь как существующий*. Бритва Оккама еще не затупилась! Тем самым понятия истины и лжи не могут рассматриваться как дуальные. Основной онтологический тезис объединенной Буль-Фреге семантики звучит так: Существует единственный денотат *истина*. Это тезис остается верным и для обобщения Буль-Фреге семантики на неклассический случай.

Исходя из рассмотрения лжи как оператора ложности автором построена элементарная теория операторов истинности и ложности. Добавление к этой теории отрицания позволяет установить соотношение между оператором ложности и отрицанием. Добавление еще одной логической связки — импликации ведет к формулировке логики с операторами истинности и ложности. Последняя может быть весьма лаконично сформулирована с использованием только оператора ложности и импликации и названная поэтому логикой ложности FL4. Проводится сравнение последней с логиками истины фон

Вригта. В языке логики с операторами истинности и ложности устанавливается возможность различать несколько видов отрицаний и противоречий.

В третьей главе **“Онтологический статус доказательств сведением к абсурду”** (Анисов А.М.) приводятся доводы в пользу неожиданного тезиса: *онтологически укоренена как раз ложь*, а истина не получает адекватного универсального истолкования на уровне денотационных значений. Это неожиданный вывод, в том числе для автора данной главы. В качестве онтологической основы классических логических конструкций была выбрана теория множеств. Теорий множеств с классической логикой в качестве основы много, однако, если смотреть с принципиальной философской позиции, все они стягиваются к теориям четырёх видов: *теории классов*, в которых наряду с множествами существуют не являющиеся множествами собственные классы (универсальный класс всех множеств, расселовский класс множеств, не содержащих себя в качестве своего элемента, и т.д.); *теории множеств без собственных классов* (теория Цермело-Френкеля ZF и ей подобные); *теории типов* (конкретно в третьей главе рассматривается простая теория типов ТТ Б.Рассела); *промежуточные теории множеств* (располагающиеся между вторым и третьим вариантами теорий, как NF Куайна).

В четвертой главе **“Негативная формальная онтология”** (Васюков В.Л.), опираясь на идеи Аристотеля о том, что “... можно отрицать все, что кто-то утверждает, и утверждать все, что кто-то отрицает” (Аристотель, Об истолковании, 16b25–32), автор развивает мысль о *возможности формулировки негативной теории*, описывающей некоторую систему связанных между собой отрицательных онтологических утверждений. Связывая понятие отрицания с понятием ложности и полагая, что отрицание формулы или высказывания выражает ложность того, что формула или высказывание ложны, автор конструирует зеркально обратный “миру истины” — “мир ложности”, структура которого ничем не отличается от структуры “мира истинности” (это связано с той особенностью классической логики, что ее алгебраическая модель — “самодуальна”, то есть при замене всех логических конструкций на противополож-

ные она формально остается моделью с той же самой структурой). Для достижения этой цели используется система онтологии польского логика Ст.Лесьневского. Положив в основание неклассической формальной онтологии интуиционистскую логику, автор сталкиваемся с необычными последствиями такой стратегии в виде нетривиальной конструкции “мира ложности”, вызванной тем обстоятельством, что интуиционистское отрицание, по сути дела, не является отрицанием, равносильным классическому отрицанию, следовательно, и природа “ложности” в этом мире будет иная. Автор показывает, что “зеркальная” трансформация интуиционистской логики не приводит нас обратно в ее царство — она приводит к так называемой “антиинтуиционистской” логике, обладающей совершенно иными логическими и структурными свойствами. В результате система формальной онтологии “ложности”, надстроенной над новой логикой, также трансформируется в новую систему, описывающую совершенно иной мир “ложности”. В основу предложенного проекта была положена система так называемой “Новой прототетики” Э.Лопеса-Эскобара и Ф. Миральи, представляющую собой пропозициональное интуиционистское исчисление высшего порядка с квантификацией по высказываниям и пропозициональным функциям. Ее расширение с помощью оператора “есть” по образцу системы Лесьневского позволило получить систему интуиционистской онтологии, алгебра объектов которой представляет собой алгебру Гейтинга (а не булеву алгебру как в случае Лесьневского). Затем автор строит антиинтуиционистскую прототетику, представляющую собой систему логики “ложности” высшего порядка, и расширение которой, как и в интуиционистском случае, является системой “негативной” формальной онтологии, описывающей конструктивный “мир ложности”. В заключение автор строит систему позитивно — негативной формальной онтологии, сочетающей в себе обе системы вышеуказанных онтологий и описывающей объединения миров логической “истинности” и “ложности”.

Книга может представлять интерес для специалистов в области онтологии, логики, философии науки и эпистемологии.

Ответственный редактор. 31.05.2018

А.Н. ПАВЛЕНКО

Логико–онтологические предпосылки появления «лжи»

В работе рассмотрены основные аргументы дефляционной концепции истины: подходы А.Тарского, У.В. Куайна, Х. Патнема и некоторые другие. Приведены два репрезентативных примера элиминации истины как выделенной оценки суждений: концепция “языковых игр” Л.Витгенштейна и “конструктивный эмпиризм” Б. ван Фраассена. Выявлено, что утверждение о том, что «истины» как выделенной оценки суждений не существует” является самопредикативным и приводит к нелепости. Продемонстрировано, что элиминация (избыточность) “истины” из познания, с необходимостью, затребует и элиминацию “лжи”. Показано, что при ответе на вопрос “может ли «ложное предложение», понимаемое как предложение «не истинное», то есть $\neg p$, обладать тем признаком, которое оно обозначает как объект «ложь», то есть «быть не истинным»?” возникает парадокс, который назван “псематическим” от греческого слова *ψεματα* (ложь). Обнаружено, что “истина” обладает автологической природой, а “ложь” — гетерологической.

Ключевые слова: псематический парадокс, истина, ложь, логика, эпистемология, онтология, конструктивный эмпиризм, языковые игры, Г.Фреге, А.Тарский, У.В. Куайн, Х. Патнем.

1. Введение

Традиция европейской культуры и философии, прежде всего, сложилась так, что особенный интерес всегда вызывал вопрос об “истине”: соответствует ли содержание нашего знания о некоторой реальности — самой этой реальности? Ведь понятно, что *соответствие* открывало для человека возможность объяснять эту реальность и приспособливаться к ней, а после 16–17 столетий и пытаться подчинить её себе, заставить себе служить¹.

В действительности, такая ориентированность на “истину” отнюдь не случайна, ибо уходит своими корнями в глубокую древность,

¹См. рассуждение И.Канта о “судье и подсудимом” в “Критике чистого разума”[10]

когда “рассмотрение”, “видение”, “взгляд” стали, благодаря древним грекам, для европейского человека доминирующей формой отношения к реальности. Так родилась “теория” (Θεωρία) понимаемая как “рассмотрение”, “наблюдение”, производная от греческого глагола Θεωρεῖν, означающего “наблюдать”, “рассматривать”, как господствующий тип строгого и аналитического отношения к реальности.

В других культурах — не европейских — доминирующими были другие формы. Для некоторых народов более важно было “достойно прожить жизнь” по указанию Неба, каждый день подтверждая своим поведением и своими поступками неукоснительное следование воле этого Неба. Так в Китае родилась система чань, (чань буддизма), в которой “поступок” стал доминирующей формой отношения к миру².

Для иных — *досотворить* уже созданный богом, но несовершенный и им враждебный, видимый мир с помощью “преобразующей деятельности”. Поэтому, доминирующей формой их отношения к миру становится “деятельность”, фиксируемая греческим словом *πρᾶξις* “практика”.

Понятно, ни в “поступке”, ни в “практике” нет и намёка на то — соответствуют они реальности или нет. Эти формы не предполагают самого *соотнесения* “взгляда на реальность” и существующей “реальности”. И в первом, и втором случае, речь может идти только о “правильности” или “практичности”. Эти формы не предполагают “истину”, как результат такого *соотнесения*. Поскольку же они не предполагают “истины” в её изначальном — *теоретическом* — смысле, постольку они и не предполагают “лжи”, как соотносительного ей понятия. А это, в свою очередь, открывает путь для *совершенно нетривиальных форм* организации не только знания, но и культуры в целом. Не выявленная ложь, то есть “ложь” не ставшая самостоятельным понятием, *не схваченная понятийно или, наоборот, устранённая понятийно*, может быть погружена в саму ткань жизни или познания и, будучи “перемешанная” с истиной, оказаться способной принимать такие формы, которые делают её не отличимой от ис-

²Смотрите по этому поводу работу Абаева Н.В., [1].

тины. . . Помня же о том, что ложь по-гречески называется *ψεματα* (псэмата), а истина — *αληθεια* (алэтейя), назовём такие смешанные концепции “алетопсематическими”, а саму тенденцию или установку на такое смешение — “алетопсематизмом”.

Может сложиться впечатление, что тема “истины” и “лжи” к сегодняшнему дню также устарела, как устарели её открыватели, напоминая о себе обломками древних аттических храмов. Мы слышим ото всюду о необходимости освободиться от “традиционализма” и “консерватизма” в эпистемологии и онтологии, которые представителями “новых учений”, дабы придать им негативный налёт, поименовываются “*эпистемологическим фундаментализмом*”, который, дескать, тормозит развитие современной эпистемологии и онтологии. Автор сам присутствовал и принимал участие в дискуссии на одном из таких “пропедевтических” мероприятий в Будапеште в 1998 г., организованном Институтом “Открытое общество”, тема которого была заявлена нарочито прямо и без двусмысленностей: “postfundamentalist age”. Это была, как сегодня бы сказали: “открытая площадка” для утверждения дефляционной концепции “истины”, основой которой выступал конечно же *критицизм* Карла Поппера.

Однако дефляционизм можно обнаружить не только у Поппера, но и в работах А.Тарского, А.В.Куайна, П.Горвица, Ю.Хабермаса, М.Даммита, Б. в. Фраассена и многих, многих других. Мы сталкиваемся в работах этих философов всё с тем же самым дефляционным подходом к истине.

Самый первое знакомство с их точками зрения на “элиминацию истины” поразительным образом напоминает “поход логического позитивизма”³ на понятие “бытие”, которое, будучи терминологически фиксированным как “существование”, тоже должно было быть элиминировано из строгой философии с той целью, чтобы с “существованием” было связано только и только “значение квантифицированной переменной”. Как мы увидим, логика конца 20-го столетия преодолевает и это представление.

³См. Карнап Р. [12]

2. Общие вопросы, касающиеся существования лжи.

К формулированию проблемы.

Как это часто бывает, всё начиналось до банальности просто: был задан вопрос о том, какой смысл мы вкладываем в утверждение о том, что “предложение *p* истинно”? Как вообще некое предложение может быть истинным? Ответ сводился к следующему: предложение *p* истинно тогда, когда то, о чём говорится в предложении *p* — действительно наличествует. Такой корреспондентский ответ восходит к определению истины, данному еще Аристотелем в Метафизике [Аристотель];

“... говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть,— значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, -значит говорить истинно” [2, Met.1011b25].

Современная логика, стремясь к точности выражения, обратила внимание на то, что сказать, что “истинно, что *p*” значит просто утверждать *p*.

Алфред Тарский настаивал на том, естественный язык недостаточно строг и поэтому следует выразить описанное Аристотелем корреспондентское соответствие логически строго с помощью эквиваленции: “предложение «снег бел» (*p*) истинно тогда и только тогда, когда снег бел”. В этом случае получается, что истина — это ровно то, чем является сама эквиваленция. Выходит, что “истина”, как характеристика предложения, избыточна, ибо в указанном предложении имеется эквиваленция. Но, далее, говорит Тарский: “Следовательно, если мы хотим что-то сказать относительно какого-то предложения, например, что оно истинно, мы должны использовать имя этого предложения, а не само предложение”. [50, Р. 344]. Другими словами, интерес может представлять левая часть того высказывания, которая приводилась выше.

А. В. Куайн усомнился в этом и заметил, что в первой части предложения сообщается ровно то, что содержится во второй. Поэтому следует расковырять первую часть и мы получим простую

тавтологию. В имени предложения — то есть в закавыченном выражении “снег бел” — не содержится равным счетом ничего, чего бы не было в самом предложении о том, что снег бел. Поэтому, предикат истины — это не что иное как процедура раскавычивания первой части высказывания [48, Р. 10].

Другими словами, истина становится избыточной в нашем познании, превращаясь то в “эквиваленцию”, то в “закавычивание предложения”, то ещё во что-нибудь. Но раз истина — а к этому и приводит её дефляция — становится избыточной, то, следовательно, мы не можем ни об одном нашем высказывании сказать, что оно “истинно”. И, наконец, тогда наступает самое главное — весь мир может (а по существу — грозит) превратиться в нашу “игру словами” или говоря несколько резче — *иллюзию*.

В самом деле, Х. Патнем в одной из своих работ “Мозги в бочке” [47] констатировал, что 1) если нашим знакам ничего не соответствует в реальности, о которую мы *обозначаем*, 2) нашим *образам* ничего не соответствует в реальности, которую мы *отображаем*, 3) наконец, нашим понятиям ничего не соответствует в реальности, которую пытаемся *понятийно схватить*, то, следовательно, весь мир, который окружает человека — *сплошная иллюзия*. Так, полагал Патнем, и рождается скептицизм. Именно для его преодоления он и предложил свой знаменитый аргумент, выступив, таким образом, в качестве “честного скептика”, то есть *Патнем попытался преодолеть скептицизм не снаружи* (с точки зрения другой концепции), а *изнутри*. В этом, по-моему, и состоит его заслуга по обсуждаемому вопросу. Мы уже обращались к анализу его аргумента “мозги в бочке” в другой работе [18], поэтому подробно на этом останавливаться сейчас не будем.

Признаемся, что такая критика “истины” названными выше и некоторыми другими философами [30];[31];[41];[49], оставляет упущенным один немаловажный вопрос: хорошо, “истина” не существует — она избыточна, она дефлирует и т.д., но, а “ложь”-то существует или *заблуждение* — это тоже наша иллюзия? А если “да”, то в каком смысле? Этот вопрос уже не кажется каким-то тривиальным.

Другими словами, попробуем исследовать природу “лжи” именно как объекта семантики и эпистемологии.

2.1. Глаукома эпистемологическая

2.1.1. Дефляция “истины” с необходимостью затребует дефляцию “лжи”

Исследователи, которые придерживаются концепции дефляции “истины” [49];[50];[51], на самом деле, сталкиваются, с моей точки зрения, с одним неожиданным для них следствием, суть которого в следующем. Если мы будем нормативно понимать под “истиной” и “ложью” *выделенные оценки суждений* или в другой версии — *условия их приемлемости*, то мы не можем не согласиться с тем, что “истина” и “ложь” являются соотносительными понятиями. В их взаимоотношении “истина” не устранима без устранения “лжи”, а “ложь” — без устранения “истины”. “Ложь” не устранима даже с учётом того, что она будет пониматься как “отрицание истины”.

Если это так, то утверждение сторонников дефляционной концепции истины, полагающих, что истина как оценка нашего знания, элиминируется из эпистемологии, должны будут допустить и элиминацию “лжи”, если только они не убеждённые фаллибилисты, полагающие, что всё наше знание — ни что иное, как только приближение и заблуждение.

Однако, если мы элиминируем и “ложь”, то, тем самым, мы открываем двери для хаоса, нигилизма и постмодернизма. Ведь, если в познании нет ни истины, ни лжи, то само это наше познание ничем не отличается от пения птиц или шума, издаваемого ударом весла о воду?! Тогда, всё, чем мы занимаемся — только следы на песке и, следовательно, тщетны наши усилия. Но в таком случае, мы перестаем быть “глазами этого мира”.

В этой связи позволим себе одну аналогию. Представим, что существует огромная Вселенная, которая является огромным организмом, а люди в ней — это её “глаза”, которыми она видит саму себя. Ведь, и в человеческом организме “глаза” — это лишь очень малая “часть” всего организма. Но по важности своей они неизмеримо превосходят многие другие органы. Используя эту аналогию,

можно было бы сказать, что без нашего, без человеческого, видения, Вселенная “ослепнет”!

Заметим, что она, с физико-космологической точки зрения, останется такой же, как и была, но незрячей. Ведь и человек, лишённый зрения, ничем физико-химически, не отличается от человека зрячего.

Но тогда и фаллибилизм, и дефляционная концепция истины выступают чем-то вроде глазной глаукомы в онтологии и эпистемологии. Однако глаукому биологическую мы же лечим!? И лечим успешно. Так почему же глаукома эпистемологическая оставляет за собой право “неизлечимости”?

2.2. “Второпорядковое” заблуждение или алетопсематизм

Рассмотрим ещё один общий вопрос. Очень часто мы сталкиваемся с критикой одних концепций — другими, которые полагают, что их, критикующие, концепции имеют право на такую критику. То есть, представители этих концепций полагают, что они сами и разделяемые ими взгляды находятся “сверху” или образно выражаясь — на “втором этаже”, с высоты которого они с лёгкостью могут критиковать концепции этажа нижнего. Видимо, неявно они полагают, что их собственные концепции относятся ко второму порядку сложности. Возникает естественный вопрос: на основании чего? Попытаемся на него ответить, приведя несколько примеров.

2.2.1. Пример первый

Предпосылки возникновения “второпорядкового заблуждения” можно обнаружить, например, в работе Л. Витгенштейна “Философские исследования”, где была представлена модель “языковых игр” [4]⁴. Вот определение “языковой игры”, данное самим Витгенштейном: “7. К тому же весь процесс употребления слов в языке (2) можно представить и в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком. Я буду называть эти игры «языковыми играми» и говорить иногда о некоем примитивном языке как языко-

⁴Далее, цитируя работу Витгенштейна, мы будем использовать его собственную нумерацию фрагментов текста.

вой игре. . . «Языковой игрой» я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетён”.

Своё рассуждение в “Философских исследованиях” Витгенштейн начинает с анализа языка: процедур обозначения и именования. Рассматривая употребление слов в естественном языке, он постепенно подводит читателя к мысли о том, что та система значений имен, которая была предложена Фреге, сталкивается с семантическими и прагматическими трудностями. Фреге полагал, что *значениями* имен являются обозначаемые ими объекты: “От логически совершенного языка (Begriffsschrift) нужно требовать, чтобы любое выражение, образуемое как собственное имя грамматически правильным образом из уже ранее введённых знаков, действительно обозначало некоторый предмет, и чтобы в качестве собственного имени не вводилось ни одного знака, не обеспеченного некоторым значением” [40, Р. 222]. Однако Витгенштейн специально подбирает такие случаи — например, случай с волшебным мечём Нотунг из “Песни и Нибелунгах” — когда имени невозможно поставить в соответствие какой-либо предмет в качестве его значения, допуская при этом, что указанный меч не существует как целое, но только как множество частей : рукоятка, лезвие и т.д.. В результате оказывается, что требование Фреге излишне строго или попросту нереализуемо. Но, как же тогда поступать с именами, которым мы не можем сразу и непосредственно сопоставить предмет? Означает ли это, что они все являются *неоднозначными* именами или *псевдоименами*, как это видел Фреге [40, С. 222]? Нет, Витгенштейн находит выход из этого “тупика именования” посредством обращения к области *употребления имён*: “43. Для *большого* класса случаев — хотя и не для всех, — где употребляется слово «значение», можно дать следующее его определение: *значение слова это его употребление в языке* (курсив мой – А.П.)”. А раз так, то и истина — это просто *правильное употребление имени в языке*. В этом определении Витгенштейна ключевым оказывается предикат “употребление в языке”.

И здесь невозможно не обратить внимание на самопредикативность этого утверждения. В самом деле, если строго следовать этому определению “значения имени” Витгенштейна, то мы вынужде-

ны будем признавать, что значение самого этого имени “употребление в языке” оказывается тем “объектом”, который сам зависит от употребления в языке, и, следовательно, не существует “конечного” употребления в языке, следовательно, определение некорректное. Дело в том, что ставя значение имени в зависимость от употребления в языке, мы забываем, что само оно — это определение, даваемое Витгенштейном — тоже есть “употребление в языке”, то есть мы делаем его “относительным”, отнесённым к языку. Будучи отнесённым к чему-то, оно перестает и само выполнять некоторое универсальное значение. *Здесь Витгенштейн совершает свой первый эпистемологический зевок*, полагая себя находящимся на “втором этаже”.

Однако и сам этот подход тоже не совсем прост. Поскольку язык является естественным, то он содержит невообразимое множество употреблений. Как в этом случае избежать хаоса? Для правильного именованья Витгенштейн вводит понятие языковой “парадигмы”, в которой легко узнаваем *культурный или социальный контекст*, то есть некоторые нормы употребления языковых выражений (Фрагменты 55-58).

Боязнь утраты парадигмы побуждает нас рефлексивно искать некоторую ясность и определённую в языке. Мы-то наивно полагаем, что он внутренне логически упорядочен, как полагал тот же Фреге:

“105. Когда мы считаем, что должны найти вышеуказанный порядок, идеал в действительном языке, нас перестает удовлетворять то, что в обыденной жизни называется «предложением», «словом», «знаком».

Предложение, слово, с точки зрения логики, должны быть чем-то чистым, чётко очерченным. И мы тут ломаем голову над сущностью *подлинного* знака. — Является ли она представлением о знаке как таковом или же представлением, связанным с данным моментом”.

Но так ли это? Существует ли подлинный логический язык? Витгенштейн полагает, что это и есть одно из *главных заблуждений европейской традиции мышления*. Почему? Он даёт пояснение:

“107. Чем более пристально мы приглядываемся к реальному языку, — говорит Витгенштейн, — тем резче проявляется конфликт между ним и нашим требованием. (Ведь кристальная чистота логики оказывается для нас недостижимой, она остается всего лишь требованием.) Это противостояние делается невыносимым; требованию чистоты грозит превращение в нечто пустое. Оно заводит нас на гладкий лед, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно трение. *Назад, на грубую почву!* (курсив мой — А.П.)”.

Что же это за “грубая почва”? Какова её природа? Витгенштейн находит её в области *человеческих потребностей (real need)*[51]:

“108. Предрассудок кристальной чистоты логики может быть устранен лишь в том случае, если развернуть все наше исследование в ином направлении. (Можно сказать: исследование должно быть переориентировано под углом зрения наших реальных потребностей. Философия логики трактует о предложениях и словах в том же смысле, как это делают в повседневной жизни, когда мы говорим, например: «Вот предложение, написанное по-китайски». «Нет, это лишь похоже на письма, на самом же деле это орнамент»).(Фрагмент 108).

Витгенштейн осознанно совершает философский разворот, покидая почву “строгой” логики и обнаруживая основу дальнейшего философствования в *повседневном употреблении языка*⁵. Затем он говорит:

⁵“116. Когда философы употребляют слово «знание», «бытие», «объект», «я», «предложение», «имя» и пытаются схватить сущность вещи, то всегда следует спрашивать: так ли фактически употребляется это слово в языке, откуда оно родом? Мы возвращаем слова от метафизического к их *повседневному употреблению* (курсив мой — А.П.)”.

“118. В чем же значимость нашего исследования, ведь оно, по-видимому, лишь разрушает все интересное, то есть все великое и важное. (Как если бы оно разрушало все строения, оставляя лишь обломки, камни и мусор.) Но разрушаются лишь воздушные замки, и расчищается почва языка, на которой они стоят”.

В качестве “воздушных замков” (в оригинале на английском языке — *“houses of cards”* [51] “карточных домиков”), у Витгенштейна, оказывается любая форма рационального объяснения, сопряжённая с логикой. В таком разрушении цель оправдывает средства, ибо “120. Говоря о языке (слове, предложении и т.д.), я должен говорить о повседневном языке”.

Здесь мы уже второй раз сталкиваемся с *“эпистемологическим зевком”* Витгенштейна. *Ведь заявляя о том, что разрушаются только “houses of cards”, Витгенштейн молчаливо обходит вопрос о том, а не является ли его собственная концепция “обыденного употребления языка” и “языковых игр” (и стоящее за ним разрушение карточных домиков) таким же точно houses of cards?* Ответ напрашивается сам собой - конечно является.

2.2.2. Пример второй

Другим примером, не менее показательным, дефляции “истины” и “лжи”, является интерсубъективная программа обоснования знания, инициированная в своё время Э. Гуссерлем. Лучше всего онтологическую природу интерсубъективизма можно выявить, анализируя понимание “интерсубъективно понятой истины”. В самом деле, если истина есть результат (оценка) удостоверения содержания суждения многими субъектами, то она не понимается даже как *референция*, т.е. как отношение соответствия содержания суждений субъекта и содержания реальности, о которой он судит. Например, в смысле того же Аристотеля. Наоборот, в рамках интерсубъективного подхода, истина выступает исключительно как *отношение соответствия содержания суждений одного субъекта и содержания суждений других субъектов*. Точнее, речь уже идет уже не об “истине”, а о “правильности”. То есть, прежде чем суждение удостоверит свою *истинность* в

самой реальности, оно должно удостовериться в своей правильности через обращение к содержаниям других суждений других субъектов. Интерсубъект оказывается таким же субъектом, но лишь большей “мощности”. В качестве репрезентативного образца рассмотрим подход к пониманию истины у Ю. Хабермаса [28].

На место “теории”, главенствовавшей до этого, теперь претендует “действие” — за терминологическую основу берется греческое слово *πρᾶξις* (праксис), или как его именуют наши современники — “практика”. Поскольку действует человек не в одиночку, а в коллективе — социуме — постольку действие является по своей природе *социальным*. Если же мы транспонируем социальную проблематику в сферу эпистемологии, то обнаружим “множество общающихся друг с другом субъектов (индивидов)”. Общение — это деятельность одних участников общения по *интерпретации* высказываний других участников общения, а также поисков согласия среди участников такого общения, следовательно, решение философских проблем нужно искать в “деятельном общении”. Каждый общающийся, по заверениям сторонников этой традиции, равноправен с “другим” общающимся.

В чём же преимущество такого подхода? Хабермас предлагает три аргумента в защиту коммуникации: они сводятся к тому, что “Во-первых, интерпретаторы отказываются от преимуществ привилегированной позиции наблюдателя, так как они сами, по крайней мере, виртуально, оказываются вовлечены в обсуждение смысла и значимости высказываний. Принимая участие в коммуникативных действиях, они в принципе приобретают тот же статус, что и те участники, чьи высказывания они хотят понять” [28, С. 43].

Во-вторых, интерпретаторы, избавляясь от контекстной зависимости, то есть преодолевают угрозу герменевтического круга, ибо всегда опираются только на знание “по частям”.

Наконец, в-третьих, интерпретаторы преодолевают зависимость от *необходимости пропозициональных и когнитивных суждений*, ибо опираются не на пропозиции, которые могут быть истинными

или ложными⁶, а на обыденный язык: “В повседневной жизни мы гораздо чаще сходимся (или расходимся) во мнениях о правильности действий и норм, о соразмерности оценок и ценностных стандартов, а также об аутентичности и искренности самоизъявления, нежели во мнении об истинности пропозиций. Поэтому знание, которое мы применяем, когда кому-либо что-либо говорим, является более объемлющим, чем строго пропозициональное знание, соотносимое с истиной” [28, С. 44].

Так, Хабермасу оказывается недостаточно “пропозиционального знания” соотносимого с “истиной”. Поэтому сам процесс “говорения” оказывается для него более всеобъемлющим. Говорение предполагает “согласие” или “несогласие” с говорящим. Так “согласие” заменяет собою “истину”. Соответственно, сономичным понятием “лжи” в коммуникативном дискурсе будет по Хабермасу — “несогласие”.

Чтобы наглядно представить себе такую замену, я предлагаю на одну только минуту, применить модель Хабермаса к математике или физике. У нас получится что-то невообразимое — стороны углов “квадрата”, окажутся равными только тогда, когда будет обнаружено в нарративе об их “равенстве-неравенстве” *согласие*; электрический чайник должен будет закипеть (или не закипеть) только после того, как “поставившие его” обнаружат *согласие* в отношении выполнимости закона Ома для полной цепи или, наоборот, — он не закипит, если они не обнаружат согласие в его выполнимости. Наконец, “Солнце взойдёт завтра утром” или “не взойдет” в зависимости от того, обнаружат говорящие о нём своё согласие о его восходе (не восходе) или нет. На самом деле, всё это отнюдь не так смешно, как может показаться на первый взгляд.

Хабермас, конечно это не акцентирует, но мы то видим, что, элиминируя “пропозиции, соотносящиеся с истиной” он, тем самым, элиминирует и “пропозиции, соотносящиеся с ложью”. А это уже совсем нетривиально. Ведь понятно, что “соглашаться — не соглашаться” могут не только профессионалы, но и дилетанты. Допустим, что разговор ведётся между профессионалом и дилетантом и последний

⁶Заметим, что это основной пункт, касающийся нашего исследования.

не соглашается с первым. Что отсюда следует? Что должен делать (говорить) профессионал, если дилетант с ним не соглашается? Где и на какой основе он должен искать с дилетантом “консенсус”? Хабермас лукаво уходит от таких вопросов. Ведь коммуникативный дискурс предполагает демократичное равенство “говорящего” и “слушающего”, “соглашающегося” и “не соглашающегося”.

Складывается впечатление, что “ложь” (ложные суждения) намеренно уравнивается с “истиной” (истинными суждениями), чтобы в этом толерантном дискурсе всё уравнилось со всем, то есть утвердилось то, что мы обозначили выше как “алетопсематизм”.

Единицей измерения говоримого становится не знание (суждение), а “мнение”, осуществляемое в речевых актах — дискурсах и представленное как “общее (значимое) мнение коллектива”.

Вот как эту интенцию коммуникации передаёт Хабермас: “Если мы вообще понимаем действие как процесс овладения некоей ситуацией, то понимание коммуникативного действия наряду с телеологическим аспектом проведения в жизнь того или иного плана действий выделяет в этом процессе коммуникативный аспект совместного истолкования ситуации, и вообще, аспект достижения консенсуса. *Ситуация* представляет собой некий фрагмент, выделенный в жизненном мире применительно к той или иной теме. *Тема* возникает в связи с интересами и целями участников действия; она очерчивает релевантную область тематизируемых предметов. Индивидуальные *планы действий* акцентируют тему и определяют *актуальную потребность во взаимопонимании*, которая должна быть удовлетворена в ходе интерпретативной работы. В этом аспекте ситуация действия есть одновременно ситуация речи, в которой действующие лица попеременно принимают на себя *коммуникативные роли говорящего, адресата и соприсутствующих при этом лиц*”[28, С. 201].

Совершенно очевидно, что перед нами философское обобщение и даже обоснование таких феноменов современного мира как журналистская практика, телевизионные дебаты, talk-show, интервью и дискуссии. Хабермас намеренно стремится покинуть область пропозиций, соотносимых с истиной и ложью, то есть с областью науки и строгой философии.